

Социология массовых коммуникаций

© 2004 г.

Р.Х. СИМОНЯН

БАЛТИЙСКИЕ МАСС-МЕДИА: ДИНАМИКА ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

СИМОНЯН Ренальд Хикарович - кандидат философских наук, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

Этнокультурная двуобщинность устойчиво закрепились в государствах Балтии в начале XX века. В Литве она выражена слабее, чем в Латвии и в Эстонии, которые вполне можно отнести к числу биэтнических государств, где обе основные группы населения используют для общения разные языки. В Западной Европе классическим примером такого государства является Бельгия, где основную часть населения составляют фламандцы, чей родной язык - фламандский, и валлоны, среди которых общение идет на французском языке. Параллельное существование в рамках единого государства двух крупных, но слабо взаимодействующих этнокультурных общностей становится причиной такого феномена, как наличие двух информационных пространств, что особенно характерно для стран Балтии. Российский журналист В. Дубнов посетил Латвию летом 2002 г. и отметил, что там "почти не пересекаясь, сосуществуют две общины: одна говорит по-латышски, при необходимости любезно переходя на русский, другая - по-русски, которая по-прежнему особой необходимости переходить на латышский не испытывает" [1, с. 19]. В последнее время общественные деятели стран Балтии, в том числе и М. Хейдметс - один из авторов принятой правительством Эстонии государственной Программы интеграции, заявляют, что модель этнически разделенного общества - сложившаяся реальность ("два общества в одном государстве" [2, с. 43]). Эстонцы и не эстонцы до сих пор живут обособленно, имея слабые представления о жизни иноязычной части населения [3, с. 3]. Такая ситуация способствует фабрикации и распространению социальных мифов, появлению и закреплению в массовом сознании многочисленных предрассудков и стереотипов, что оказывает влияние на весь комплекс общественных процессов, препятствуя консолидации общества.

По мнению французского социолога П. Шампая, "происходит последовательное перемещение центра тяжести политического пространства к СМИ" [4, с. 154]. Информация становится не только базовой услугой, но и фактором, создающим социальное неравенство, благодаря различным возможностям (или способностям) иметь к ней доступ. Разумеется, процесс "модернизации" общественной жизни развивается на конкретном национальном или региональном фоне. Вряд ли найдутся в Европе другие такие страны, где к СМИ относились бы с таким вниманием, как в странах Балтии, что подтверждается социологическими исследованиями. Наиболее масштабное репрезентативное исследование общественного мнения было проведено в Литве в 1999 г., в ходе которого социологической службой Baltic Surveys/Gallup было опрошено 10 тыс. респондентов. Было установлено, что 76% из них больше всего доверяют СМИ. Гораздо меньше население доверяет президенту, парламенту, правительству, местной власти, судам, банкам и даже церкви [5, с. 77]. В демократическом государстве социальная функция СМИ предполагает, что они должны отражать различные точки зрения составляющих социальную структуру общества групп и слоев, предоставлять информацию в объеме, позволяющем каждому ее потребителю составить собственное мнение о происходящем. И, что особенно важно, переводить любой конфликт в форму дискуссии, чтобы предотвратить его эскалацию в обществе. Как реализуется эта функция в странах Балтии?

Высокий авторитет СМИ в глазах населения этих стран сформировался в 1987/1988 гг., когда пресса, радио и телевидение начали сообщать замалчивавшиеся факты истории. Пик популярности газет и журналов пришелся на 1989-1990 гг., когда, например, тираж "Советской молодежи" в Латвии превысил 220 тыс. (среди подписчиков этой газеты тогда было много москвичей и ленинградцев), а тираж "Молодежи Эстонии" достиг 96 тыс. экземпляров. После обретения независимости тиражи газет стали быстро снижаться, общественный накал пошел на убыль, и потребность в острых публикациях снизилась. Кроме того, цены на журналы росли, а материальное положение населения ухудшалось. Однако, начиная с 1994/95 гг. интерес к СМИ в Балтии снова стал возрастать, так как они помещали немало острых материалов о злоупотреблениях представителей власти. В массовом сознании населения СМИ стали играть роль авторитетного независимого арбитра, который мог разоблачить и морально осудить бюрократизм и коррупцию высокопоставленных чиновников. Независимость медиа-каналов обеспечивалась принятыми в начале 90-х гг. весьма либеральными законами об информации. Ими были запрещены все государственные СМИ, а политическим партиям и банкам не разрешалось иметь собственные радио- и телеканалы. Масс-медиа в странах Балтии вполне эффективно осуществляют специфические функции "четвертой власти". Если материалы российских масс-медиа о противоправных действиях чиновников редко вызывают должную реакцию со стороны правительства и правоохранительных органов, даже когда журналистами приводятся копии документов и номера счетов в банках, то в странах Балтии положение иное. Правительственные круги этих стран вынуждены считаться со СМИ, здесь они являются важным элементом формирующегося гражданского общества. В начале 1996 г. премьер-министр Эстонии Тийт Вяхи вынужден был немедленно уйти в отставку после того, как одна из газет опубликовала сведения о том, что его дочерью была куплена в Таллине квартира не по рыночной, а по остаточной стоимости. И хотя квартира была небольшой, а разница в сумме не очень существенной, отставка премьера стала неизбежной. Данный факт является показателем кардинальных различий в гражданской зрелости общественных отношений в России и в странах Балтии. К этому можно добавить характерную реакцию представителей российского политического истеблишмента на правительственный кризис в Эстонии. Они никак не могли взять в толк, что из-за подобного малозначительного, с их точки зрения, факта происходит смена главы правительства.

Экономическая база балтийских СМИ во многом обеспечивалась тем, что во второй половине 90-х гг. зарубежные концерны, в основном скандинавские, начали скупать титульные газеты, радио- и телеканалы. По мнению самих журналистов, иностранных хозяев не очень волнуют вопросы внутренней жизни балтийских стран, но очень интересует прибыль. Поэтому политическая принадлежность печатных изданий там осталась неизменной и после приобретения их зарубежными собственниками, которых, как правило, интересуют не столько идеологические позиции газеты, сколько объем рекламных материалов на ее страницах. Разумеется, у владельцев СМИ могут быть определенные вкусы и предпочтения, но в целом на политическом спектре медиа-каналов ни в одной из трех балтийских стран это не отразилось. Ведущие газеты получили гарантии существования, им не нужно опускаться до бульварного уровня в конкурентной борьбе за читателей. Коммерциализация СМИ середины 90-х гг. вывела из игры многих перестроечных идеалистов. Их сменили прагматики, понимающие профессионализм как умение четко выполнять поставленную задачу.

К середине 90-х гг. в странах Балтии произошло общее снижение уровня журналистики, характерное для большинства государств постсоветского пространства, в том числе и России, и связанное с бурным ростом частных печатных изданий, коммерческих радио- и телеканалов, что требовало резкого увеличения числа журналистов. Ни в одной из трех республик не было такого большого количества профессионалов, чтобы заполнить вакансии, что привело к определенной девальвации компетентности и ответственности журналистов. Это явление в равной мере коснулось как титульных, так и русскоязычных СМИ. Даже в Литве, где русскоязычные (русские, белорусы, евреи, украинцы и др.) составляют не более 15% населения республики, в 1999 г. на русском языке издавалось 24 газеты и 5 журналов [7, с. 76]. Приход неспециалистов в духовную сферу общественной жизни актуализировал проблемы журналистской этики, связанные с публикацией непроверенных материалов, с пренебрежением принципом презумпции невиновности, что приводило к многочисленным скандалам и судебным разбирательствам.

Показателем этнический состав редакций газет в странах Балтии. Если в русскоязычных газетах в штате можно видеть сотрудников, представляющих все этносы, то в редакциях газет на титульных языках работают, как правило, только представители этих этносов. На телевидении данная закономерность проявляется в меньшей степени.

Имеются существенные отличия в численности читателей периодики на иностранных языках. Среди литовцев они составили 7% от взрослого населения, среди латышей - 10%, среди эстонцев - 17%. Это один из важных индикаторов западноевропейской ориентации населения стран Балтии. В Эстонии тенденция к вестернизации выражена наиболее сильно [12, с. 283]. Балтийские республики отличаются и по уровню потребления местных СМИ. Если почти три четверти эстонцев и две трети латышей регулярно читают местные газеты, то среди литовцев таких читателей всего 35%. Различие в получении ежедневных новостей между титульным и русскоязычным населением особенно заметно в Эстонии, где ежедневные газеты читают 70% эстонцев и только 34% русских. Для получения новостей русские гораздо чаще, чем эстонцы, используют телевидение, однако во всех странах Балтии объем телевещания на русском языке на каждом канале не превышает полутора-двух часов в сутки.

Если в сфере газетно-журнальной периодики никаких языковых ограничений нет, то в теле- и радио-эфире во всех трех республиках объем русскоязычных программ лимитирован порогом в 20-25% от общего объема эфирного вещания. За соблюдением лимита следят специальные комиссии при парламентах. Помимо политических причин это связано с низкой конкурентоспособностью местных программ на титульных языках. Так, например, в Эстонии аудитория общественно-правового "Радио-4" на русском языке, насчитывающая 205 тысяч слушателей, не слишком отстает от государственного "Vikerradio" на эстонском языке, имеющего аудиторию в 242 тыс. чел. Кроме русскоязычного вещания "Радио-4" передает еженедельно одночасовые передачи на украинском, белорусском, еврейском и армянском языках. В Эстонии также ретранслируется "Русское радио", аудитория которого составляет 139 тыс. слушателей. По признанию эстонских журналистов, радиопередачи на русском языке пользуются не меньшей востребованностью у титульного населения, чем на эстонском языке. В Латвии и Литве ведется русскоязычное FM вещание: в Вильнюсе круглосуточно ретранслируются программы радиостанции "Канал Мелодия" из Санкт-Петербурга; в Клайпеде ретранслируют "Русское радио"; Радиоканал "Doma Laukums" работает в Риге преимущественно на русском языке [8]. Однако в диапазоне FM устойчивый прием ограничен зоной прямой видимости (не более 70 км от источника сигнала).

Перейдем к рассмотрению особенностей работы СМИ в каждом из этих параллельных и обособленных информационных полей. В их пределах по-разному отражаются происходящие в республиках процессы. Журналисты титульных изданий считают, что главная задача СМИ - информировать и развлекать. Русская часть аудитории, напротив, лучше воспринимает эмоционально окрашенную информацию, ей недостаточно сухого перечисления фактов. Поэтому для прессы на русском языке при описании событий характерен заинтересованный, сочувствующий, или, наоборот, иронический или саркастический тон. В какой-то мере эти различия коренятся в несовпадении представлений о предназначении прессы. Для титульных изданий типичны ориентация на Запад, в целом положительная оценка состояния экономики, подробная хроника внутригосударственных происшествий, репортажный стиль объективного наблюдателя.

Русские журналисты исходят из того, что газеты не могут соревноваться с телевидением и радио, так как информацию, которую они передали, газеты могут дать только на следующий день. Поэтому в их среде принято считать, что целесообразнее не дублировать электронные источники, а выразить собственную точку зрения. Журналист издания на русском языке изначально ощущает себя активным соучастником происходящего. Если журналисты титульной национальности обычно рассуждают о социальных проблемах несколько отвлеченно, то русскоязычные журналисты, наоборот, стремятся все рассматривать в "человеческом измерении", их сообщения дают меньше обобщений и чаще поднимают проблемы, требующие конкретного решения; в медиа-каналах на русском языке доминируют критические материалы, дискуссии о защите прав соотечественников, заметны ностальгические нотки. Разумеется, в русскоязычной прессе меньше, чем прессе на титульных языках, материалов о негативных сторонах сегодняшней российской действительности.

СМИ всегда служили барометром для измерения социокультурных изменений, они дают ценный материал с точки зрения исследования социальных трансформаций. Происходящие в обществе социальные и культурные изменения проявляются в текстах, прежде всего, дискурсивно, т.е. изменяются модели репрезентаций, идентичностей и взаимоотношений. При таком подходе объектом анализа может стать, например, вариативность освещения определенных тем и событий, позиционирования субъектов, использования языка и значений в медиа-текстах [6, с. 2]. Спустя несколько лет после распада СССР к этническим русским пришло осознание того, что на помощь из России рассчитывать не приходится, и тогда стратегией поведения русской общины стало приспособление к новым условиям. В русскоязычных СМИ протестная те-

**Оценки населением Таллина частоты межэтнических контактов
в советский и в нынешний период (см.: [2, с. 46])**

Контакты	Национальность			
	эстонцы		неэстонцы	
	Абс. число	% от опрошенных	Абс. число	% от опрошенных
Стали чаще	49	14,5	85	23,5
Сохранились на прежнем уровне	172	50,9	178	49,2
Сократились	93	27,5	55	15,2
Трудно сказать	24	7,1	44	12,2

матика стала сменяться обсуждением проблем адаптации к нынешней ситуации и поиска межэтнического консенсуса. К тому же и национал-радикальные лидеры народов Балтии в последнее время стали осознавать, что русские не переедут в Россию и надо искать формы совместного проживания, пути к социальной консолидации общества. В последние годы как титульные, так и русскоязычные СМИ приходят к пониманию того, что интеграция этнических групп - это необходимый для нормального развития общества процесс. Известный в Латвии общественный деятель Н. Нейланд на страницах газеты "Rigas Balls" от 18.01.2003 г. отмечает: "Интеграция - это стремление к сосуществованию культур и людей, где люди ценят свои обычаи, но также желают общаться с окружающим обществом. Согласно многочисленным исследованиям, это является наилучшей формой совместного существования, как с позиции отдельной личности, так и с позиции всего общества". Русскоязычная часть населения с самого начала отстаивала такую позицию. Латыши, литовцы и эстонцы, для которых в советский период были типичны ценностное предпочтение по признаку бинарной оппозиции ("свое - чужое", "свой мир - мир вокруг нас" и т.д.) и определенная закрытость, можно даже сказать, провинциальная замкнутость, теперь все отчетливее ощущают необходимость интеграции. Если в конце 80-х - начале 90-х гг. у титульных народов Балтии доминировали экзистенциально окрашенные интересы (стабильность, безопасность, солидарность), то сегодня произошел заметный сдвиг к прагматическим и индивидуалистическим установкам. Эта тенденция нашла выражение в титульных масс-медиа [3, с. 69]. У многих из них стало доминировать понимание того, что жизненно важные для общества цели не могут быть достигнуты в ситуации, когда сотни тысяч жителей их государства не имеют определенного правового статуса. Приведем выдержку из "Postimees" от 2.03.1999 г.: "Интеграция эстонского общества, общественная стабильность и перспектива демократии Эстонии в большой степени зависят от того, насколько быстро исчезнут статус негражданина и обусловленная им неуверенность". И титульные и русскоязычные СМИ согласны в том, что этот процесс должен быть двусторонним. "Если в начале 90-х инородцам ясно давали понять, что будет лучше, если они уедут из Эстонии, то сейчас можно сказать, что интегральный процесс совершил разворот на 180 градусов" - отмечается в "Eesti Paevaleht" от 26.05.2000 г. Политику интеграции в странах Балтии обе газеты оценивают как малоэффективную. За десять лет независимости в массовом сознании населения Балтии произошли существенные, неожиданные сдвиги. Парадокс этих перемен состоит в следующем. У русских 10-12 лет назад вызывала беспокойство закрытость титульных групп населения, а те в свою очередь считали, что опасность исходит от инородцев. Сегодня - напротив, многие титульные СМИ усматривают потенциальный источник опасности в закрытости инородческого сообщества и связанной с этим этнической разделенности общего социума. Замыкание русскоязычных в своей языковой среде вызывает тревогу у титульного населения и побуждает его к принятию интеграции как приоритетной социальной ценности. В таблице 1 приводятся результаты опроса, проведенного в Таллине в 2001 г. на предмет изменения интенсивности отношений между живущими в городе эстонцами и не эстонцами после восстановления независимости Эстонской Республики.

Расхождения проявляются как в понимании содержания понятия "интеграция", так и при определении круга проблем, связанных с этим процессом. Как в титульной, так и в российской периодике интеграция рассматривается, как правило, в двух контекстах: политическом (формиру-

вание у представителей диаспоры лояльности по отношению к новой стране проживания, увеличение среди них числа граждан) и культурном (прежде всего, освоение языка титульного населения, участие в культурной жизни). Но если два-три года назад в русскоязычной периодике интеграция чаще трактовалась как сближение двух общин, то в титульных изданиях она рассматривалась как процесс, в котором главная роль отводилась государству и его институтам.

Более того. В титульных средствах массовой информации интеграция все чаще рассматривается как трехсторонний процесс, для осуществления которого необходимо улучшать межгосударственные отношения с Россией. Сегодня и в русскоязычных масс-медиа все большее распространение получает мнение, что обеспечение интеграции является обязанностью государства. В латвийской и эстонской русскоязычной прессе подчеркивается, что, если этим не занимается государство, следует обращаться к международным организациям и к другим государствам.

Самые существенные различия между титульным и не титульным населением в понимании интеграции заключаются в оценке проблем культуры и языка и социально-экономических проблем. Если первые приоритетны для титульного населения, то вторые - для представителей российской общины. Многие исследователи отмечают, что выдвижение на первый план вопроса об уровне знания русскоязычной частью населения культуры и языка страны проживания отражает приоритеты лишь части титульного населения, которая не составляет преобладающих статистических групп среди латышских и эстонских респондентов. В последнее время и на страницах титульной прессы можно встретить суждения о необходимости равноправия для всех жителей страны, что лет пять назад было полностью исключено. Отвечая на вопрос о своей позиции по вопросу о гражданстве, бывший президент Эстонии Л. Мери заявил, что поскольку не граждан слишком много, проблему надо решать. Естественной должна стать практика, когда вместе с аттестатом зрелости выпускник гимназии получает гражданство ("Postimees", 25.02.2003). Более широкая интеграция с Европой, считает профессор психологии Арне Валк, могла бы способствовать и внутригосударственной интеграции, прежде всего, через более открытые национальные отношения ("Молодежь Эстонии", 26.06.2003). И в титульной, и в русскоязычной прессе термин "интеграция" трактуется очень широко. Для титульной прессы характерно представление об интеграции как сближении русской общины и государства. У русскоязычной прессы иной подход: сближаться должна оба сообщества.

Как в титульных, так и в русскоязычных СМИ расшифровка понятия интеграция осуществляется по очень широкой оценочной шкале - от крайне отрицательного до крайне положительного значения. Если в титульной периодике подчас выражается сомнение и скепсис по отношению к тем, кто "демонстрирует внешнюю, показную лояльность...", которые хотят интегрироваться любой ценой" (Lauku Avize, Рига, 19.05.1999), то в русскоязычной периодике интеграция иногда рассматривается как ассимиляция, необходимая для улучшения генетического потенциала титульного населения. "Интеграция русскоязычных - это не что иное, как ассимиляция, целью которой является впрыснуть свежей крови в умирающий организм эстонцев" ("День за Днем", Таллин, 17 декабря 2000 г.).

В обеих СМИ подчеркивается роль межведомственных учреждений и политических институтов в процессе интеграции. На это указывают как использованные в тексте источники, так и частота упоминания различных институтов. Причем информация, распространяемая и теми, и другими, обычно затрагивает происходящее в коммуникативно-языковой сфере; реже рассматриваются социально-экономические аспекты интеграционных процессов. В меньшей мере это свойственно литовским масс-медиа. Исследователи единодушно отмечают, что если бы в обеих СМИ об интеграции высказывались представители и той, и другой национальности, то роль СМИ как посредника между сообществами в ускорении процесса интеграции могла бы возрасти. Параллельная публикация в русскоязычной и титульной периодике статей, написанных авторами из числа титульных и русскоязычных, оформляющаяся как тенденция, является важным шагом в этом направлении.

Поскольку как в титульной, так и в русскоязычной прессе мнения и точки зрения представителей различных сообществ чаще воспроизводятся опосредованным образом, существует вероятность того, что мнение или сообщение могут потерять аутентичный смысл и дойти до читателя в искаженном виде или быть представленными в другом контексте. Здесь существенную роль играет и статус авторов. Так, в титульной прессе при публикации материалов по тематике межэтнических отношений наряду с журналистами в качестве авторов участвуют не только политики, но и эксперты, деятели культуры, рядовые граждане. В русскоязычной прессе доминируют журналисты и политики, значительно меньше представлено мнений и суждений рядовых граждан. Кроме того, в ней доминирует освещение конфликтов и разногласий. Положительная информация, как и в СМИ России, встречается реже. Это может быть связано с тем, что ны-

нешним русским журналистам свойственна убежденность, что отрицательное событие вызывает у читателей больший интерес. С другой стороны, интонация становится сдержаннее. Постепенно исчезают из газетного лексикона ядовитые штампы, типа высказываний о Латвии как о "республике строгого режима" и отождествления легионеров с фашистами.¹ В литовской и эстонской прессе реже стали появляться выражения: "русская опасность"; "колонисты", "колониальный период", "пятая колонна", особенно характерные в первые годы после восстановления независимости. С конца 90-х гг. заметно спала антироссийская риторика, в которой более других преуспевали эстонские журналисты. "В последнее время, говоря о не эстонцах, эстонская пресса старается избегать выражений, указывающих на "оккупационное", "колонизаторское" и т.п. отрицательное историческое наследие, а также противопоставляющих не эстонцев эстонцам и Эстонии в целом. Распространенными стали нейтральные характеристики, которые указывают на связь некоренных жителей с Эстонией: русские эстоноземельцы, местные не эстонцы и т.д." [6, с. 58].

Уровень национальных предрассудков различен в зависимости от социальной группы и образования. Возможно, в этом проявляется (на осознанном или неосознанном уровне) банальная конкуренция. Рабочий или мелкий клерк не особенно боится, что его место отнимет интеллигент некоренного происхождения. Совершенно иное положение у лиц, претендующих на престижные должности. Для них "этническая чистота" может оказаться конкурентным преимуществом. Поэтому крайний национал-радикализм часто свойственен людям с высшим образованием. А среди них наиболее радикально настроены те, кто окончил гуманитарные, а не технические или естественнонаучные факультеты. В большей степени это свойственно историкам, филологам, языковедам, искусствоведам и другим специалистам, чья профессиональная деятельность связана с акцентированием проблемы национальной идеи и этнокультурных различий. Но именно они и составляют основную часть современного журналистского корпуса, определяют набор господствующих фразеологем и стереотипов в системе массовой коммуникации. Поэтому качественные перемены в используемом ими лексиконе являются индикатором значимых общественных изменений.

Тем не менее, титульная пресса балтийских государств никогда не упускает случая "щелкнуть по носу русского медведя". Финансовое банкротство России в августе 1998 г. дало возможность насладиться этим в полной мере. Особое удовлетворение вызывало у национал-радикалов то, что фирмы и предприятия, которые, несмотря на постоянные русофобские заклинания и предостережения, что с Россией нельзя вести дела, продолжали сотрудничество с российскими фирмами и в результате дефолта разорились или понесли огромные убытки.

То обстоятельство, что большинство титульных СМИ находится под влиянием национал-радикальной оппозиции, создает дополнительные трудности левым и левоцентристским правительствам этих республик, которые по существу не имеют своих печатных изданий. Деятельность таких правительств осуществляется в обстановке придирчивой критики со стороны оппонировавших масс-медиа. Наиболее остро это проявляется в Литве, где коалиция во главе с партией А. Бразаускаса, авторитет которого среди населения республики очень высок, вынуждена проводить свою линию, подвергаясь ежедневным нападкам со стороны правых, потерпевших сокрушительное поражение на последних выборах, но обладающих почти всеми крупными изданиями на литовском языке². Такие популярные газеты, как *Lietuvos rytas*, *Respublika*, *Kauno diena*, *Akistata*, *Valstieciu laikrastis*, составляющие основу медиа-рынка Литвы, находятся в оппозиции к любым попыткам наладить партнерские отношения с Россией.

С конца 1993 г. со страниц русскоязычной прессы Латвии и Эстонии практически исчезли публикации, направленные на придание русскому языку статуса второго государственного. Слабость позиции авторов, ведущих эту кампанию, заключалась в том, что они добивались по-прежнему де-факто права не владеть титульным языком, не испытывая при этом в профессиональной деятельности и в быту ограничений и неудобств.

¹ Нынешние ветераны-легионеры - это, как правило, жертвы сталинских репрессий. Во время депортаций 1941 г. попадавшие под репрессии родители, стремясь сохранить жизнь детям, направляли 16-18-летних мальчишек прятаться в леса. В годы немецкой оккупации многие из них записывались в латышский легион и воевали на стороне Германии.

² Одной из причин отказа А. Бразаускаса, занимавшего до 1998 г. пост Президента Литвы, баллотироваться на второй срок, где у него не было серьезных конкурентов, явилась, по его словам, усталость от постоянного психологического прессинга масс-медиа.

В русскоязычных СМИ проблема овладения титульным языком рассматривается как объект изучения (его роль, значение) и как процесс изучения (возможности, реальные условия). В первом случае дается позитивная оценка, постулируется необходимость овладения им как необходимого условия для жизни в Балтии. Во втором случае дается негативная оценка, связанная с отсутствием государственной программы обучения, недостатком методик, пособий, квалифицированных преподавателей, средств и т.п. Начиная с 1992 г. в русскоязычной прессе стали регулярно печататься уроки титульного языка, а некоторые издавали в виде приложений брошюры с этими уроками.

Статьи, посвященные обучению государственному языку в школе, в основном касались необходимости увеличения учебных часов, применения современных методик и пособий, дефицита квалифицированных учителей и т.д. Тогда же постоянным объектом критики становится отсутствие целенаправленной политики государств в обучении языку, недостаточное финансирование, высокая стоимость языковых курсов для малообеспеченных слоев русского населения (безработных, пенсионеров). При этом в титульной периодике часто упоминается о льготах, сообщается о скидках в оплате для ряда категорий и о правиле, согласно которому слушатель возвращается 50% платы за обучение, если экзамен сдан успешно. Этим правом воспользовались примерно 35—40% выпускников курсов, а оканчивают курсы и получают соответствующую категорию в среднем 9 из 10 поступивших.

18 октября 2001 г. "Eesti Paevaleht" в редакционной статье писала, что "десять лет Эстония развивалась как самостоятельное государство и сейчас должна быть достаточно толерантной, чтобы не делить своих граждан на две категории - тех, кто знает эстонский язык, и тех, кто его не знает". Незнание или недостаточное знание государственного языка не эстонцами теперь связывается не столько с их нежеланием, сколько с неспособностью государства обеспечить возможности для его изучения. Ведущая эстонская газета "Postimees" писала, что "в заслугу людям, не говорящим по-эстонски, можно поставить то, что абсолютное большинство из них хочет преодолеть языковой барьер и считает эту задачу первостепенной, в том числе для своих детей. Дело лишь за организацией качественного обучения языку", и "для жаждущих учиться желание выучить государственный язык не должно выглядеть как стук в запертую дверь" (Postimees, 10.07.1999). С другой стороны, и в русскоязычных газетах, начиная с 1994 г., все чаще появляются материалы, где акцентируется внимание читателей на возможностях, которые открывает знание государственного языка. Эти материалы обычно преподносятся в форме конкретных примеров успешного продвижения в экономической, политической или культурной жизни.

Сравнительный анализ потребления титульных и русскоязычных масс-медиа показывает, что интерес к газетной и журнальной периодике у титульного населения значительно выше, чем у русскоязычного. Для российской общины более важны электронные СМИ, потребление прессы русскоязычной аудиторией характеризуется эклектичностью и нерегулярностью, как при поиске информации, так и при ее потреблении. Среди титульных жителей Балтии самыми активными читателями оказываются эстонцы, наименее активны литовцы. Эстонцы лидируют по числу изданий, по их оформлению и по тиражу на одного жителя. Так, в 2000 г. общее количество журналов и других периодических изданий в Латвии составило 325, в Литве - 465, в Эстонии - 956. Число экземпляров периодики в пересчете на одного жителя в том же году составило в Латвии 13,3, в Литве - 9,2, в Эстонии величина этого показателя самая большая в Балтии - 15,7 [9, с. 79]. По количеству пользователей интернетом в пересчете на 10 тыс. жителей Эстония тоже лидирует. К началу 2000 г. в Литве величина этого показателя составила 35,1, в Латвии - 69,6, а в Эстонии - 202,1. Для сравнения, в России он составлял 15,9, в Киргизстане - 5,9, на Украине - 4,8 [10, р. 299].

На облик периодических изданий, выходящих на русском языке, влияет и читательская аудитория. Большинство российской общины в Балтии составляет последняя волна мигрантов. Нельзя сказать, что они являются самыми активными читателями, но эти люди во многом определяют и политическое поведение общины, и отношение к русским вообще.

Поскольку, как отмечалось, полноценные контакты между представителями обеих этнических групп относительно редки, через СМИ происходит существенная часть процесса формирования взаимных представлений и установок обоих сообществ. В первые годы независимости энергию ложных стереотипов, возбужденную масс-медиа с обеих сторон, умело использовали крайние национал-радикалы для давления на руководство республик. Известный в Латвии публицист и политический деятель Б. Цилевич считает, что в первые годы независимости официальная государственная стратегия строилась "на наборе мифов, комплексов, очевидных для непредвзятого глаза несообразностей" [11, с. 268]. В качестве примера он приводит наиболее распространенные мифы. Первый: «Русские жители Латвии нелояльны, если им дать

Распределение ответов респондентов на вопрос: "Если вам надо было бы исполнять какой-то закон или правовой акт, который вы считаете несправедливым или неправильным, как бы вы поступили в такой ситуации?" (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Население в целом <i>N</i> = 100	Эстонцы <i>N</i> = 338	Не эстонцы <i>N</i> = 362
Закон есть закон, и его надо исполнять	38	33	43
Постараюсь обойти закон	14	12	16
Попытаюсь защитить свои права и юридическим путем оспаривать закон	37	45	29
Затрудняюсь ответить	И	10	12

гражданство - рано или поздно они станут "пятой колонной", и Россия вновь оккупирует Латвию под предлогом защиты этих людей». Довод о врожденной нелояльности русских опровергает эстонский социолог А. Семенов, посвятивший этой теме специальное исследование. В его рамках был поставлен вопрос: может ли целевая установка на лояльность государству быть дифференцированной, если дело касается какой-то конкретной ситуации, например, в случае с необходимостью исполнять законы. Результаты приведены в таблице 2. Таким образом, среди безоговорочно лояльных к законам доля неэстонского населения больше (разница в 10%), из чего можно сделать вывод: проблема "лояльности" не эстонцев, скорее всего, является надуманной. Это, разумеется, не означает, что респонденты-эстонцы менее законопослушны. Но более широкие возможности доступа к информации по законодательству, к участию в общественной и политической жизни формируют у эстонской части населения, во-первых, более критическое отношение к государственной власти и, во-вторых, к способу решения возникающих проблем [2, с. 19-20].

Второй миф: "Вот выгоним русских - и на всех всего хватит, будем сами хозяевами в своем государстве". Несмотря на то, что русские налогоплательщики пополняют бюджет по тем же нормам, что и титульное население, далеко не все русские имеют те же социальные условия, а, следовательно, равные возможности в потреблении материальных благ, что и представители титульного населения. Следовательно, исход русских только ухудшит материальное положение титульного населения.

Третий миф: "не латыши быстрее размножаются" [11, с. 269-270] особенно глубоко укоренен в массовом сознании латышей. Если подобная тенденция проявлялась в прошлом, то в течение последних 10-12 лет идет обратный процесс, что подтверждается государственной статистикой. Руководитель отдела Департамента труда Министерства благосостояния Э. Витолиньш свидетельствует: "рождаемость у представителей некоренных национальностей снижалась быстрее, чем у латышей. Ни одна из народностей Латвии, кроме цыган, больше не обеспечивает даже обыкновенную смену поколений" [14]. Коэффициент рождаемости у латышей в последние годы составляет примерно 8-9 промилле, в то время как у остального населения - всего 6-7 промилле. Это объясняется территориальным распределением населения республики: латыши преобладают в сельской местности, где традиционно уровень рождаемости выше [12, с. 121].

Некритичность восприятия новых мифов как одной, так и другой стороной в значительной мере объясняется существованием двух изолированных информационных пространств. Подобные ложные стереотипы массового сознания становятся питательной средой для эскалации межэтнического противостояния, особенно характерного для первых лет независимости стран Балтии. СМИ этих стран сделали в последние два-три года шаги по сближению двух информационных пространств. Но пока недостаточно используется их потенциал для создания благоприятной почвы в развитии интеграционных процессов в республиках. Это признают умеренные политические деятели и той, и другой стороны, хотя существуют и объективные факторы, ограничивающие возможности СМИ в этом направлении.

Если российская община практически находится в русском культурном пространстве, то титульное население постепенно утрачивает духовное воздействие русской культуры. За последние десять-двенадцать лет заметно возросло влияние западной и западноевропейской культуры на весь балтийский регион, прежде всего, на титульное население. Это отражается и в структу-

ре книгоиздательства стран Балтии, динамику изменений которой можно проиллюстрировать на примере Эстонии. Если в 1985 г. из 220 переведенных на эстонский язык и изданных в Эстонии книг, 189 представляли собой переводы с русского (86% от общего количества), то 11 лет спустя эстонские издательства выпустили всего 10 книг, переведенных с русского языка, доля которых от общего числа переводов оставила 5,5% [13, с. 322]. Доминировать стали переводы с немецкого, финского, с языков скандинавских стран. Во-вторых, явный "западный" крен в переводной литературе характерен и для современных российских издательств. Жесткие запреты и ограничения советского периода сыграли здесь решающую роль. Поэтому часто высказываемые российскими политиками упреки странам нового зарубежья в стремлении к освоению западных культурных ценностей выглядят неубедительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новое Время. 2002. № 29, с. 19.
2. Интеграция в Таллинне 2001. Таллинн, 2002.
3. *Лауристин М.* Интеграция в Эстонии. Таллинн, 2002.
4. *Шампань П.* Делать мнение. Новая политическая игра. М., 1997.
5. Деловая Литва. Экономика и связи с Россией в 1999-2000 гг. М., 2002.
6. *Таммтуу П.* Процесс интеграции через призму СМИ. Таллинн, 2002.
7. Русские в Литве - проблемы и перспективы. Вильнюс, 1999.
8. См.: *Михайлов П.* ДХ-вести. Радио. 2000. № 5, с. 26; *Он же.* ДХ-вести. Радио. 2000. № 12, с. 19; *Он же.* Новости эфира. Радио. 2002. № 3, с. 12.
9. Statistical Yearbooks of Estonia, Latvia and Lithuania, 2001.
10. Baltic Media in Transition. Ed. by Peeter Vihalemm. Tartu, 2002.
11. *Цилевич Б.* Время жестких решений. Рига, 1993.
12. Бюллетень Института этнологии и антропологии РАН. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 30, март-апрель 2000.
13. Return to the Western Word. Tartu, 1997.
14. "Diena", Riga, 25.01.1992.